

# РЫБАЛКА И ЦВЕТОВЕДЕНИЕ

**М**ой крестный — рыбак. Но от него мне ни рыбы, ни чешуи.

В том смысле, что мы очень редко видимся. Гораздо чаще я встречаю его картины на выставках. Моя любимая картина называется «Серебро».

Серебро — это лучшее состояние души рыбака. Оно бывает только у воды.

...Миряне спят, а рыбак покой наяву видит и в глаза ему глядит.

Осторожно опускает весла в серебро... и раз, и два, и раз...

Под брюхом лодки проплыл старый дремучий сом. Смерть ищет. А смерть про него забыла, и рыбаки им тоже не интересуются — столетний сом для уха кислый.

Наловит рыбы мой крестный, разрежет, засолит, в фольгу завернет и в землю закопает. По-

лучится малосоленая рыба. Скоро можно будет есть.

Есть, конечно, будет не один, а с товарищами. Товарищи народ разносольный: все рыбаки, но не все художники. Однако серебряная водка всех объединяет. Рыба выйдет из земли, поплывет по небу.

Мужчины едят рыбу, чтобы набраться сил и наловить завтра еще больше. Цель у всех благородная: накормить свои семьи. Но на самом деле это не цель, это прикрытие, чешуя.

Вот они рыбу ловят, пьют серебряную — и нет у них никакой семьи. Есть только рыба и чувства к этой рыбе: страсть, ревность, жадность, азарт, гнев, уныние... И все это не по порядку, а одновременно.

После такой рыбалки только на исповедь.

А рыба требует смирения. Понимания, что ты просто человек в лодке. Ты зажат между землей

и небом. И тревога твоя, как дырявая сеть, — никого не накормит.

А мой крестный — это сплошной непокой. Он много говорит и по несколько раз рассказывает одну и ту же историю, нет, не по кругу, а как сказать... Ну как будто у него вместо слов рыба, которая вырывается, и вот он ее никак поймать не может, она все время выскользывает, падает на землю и дрыгается. Поэтому слушать его надо внимательно. А лучше — помогать ловить.

Крестный преподает на кафедре живописи в академии Штиглица. Я эту академию уже окончила, поэтому там мы тоже уже не видимся. Но однажды раздался телефонный звонок:

— Привет! Слушай, тебя Мосевич хвалил! Ну ты же знаешь, Мосевич редко кого хвалит, а тут!.. Давай я тебе рыбы привезу! Ты же моя крестная все-таки.

Ага, вспомнил. Расчувствовался. Спасибо Мосевичу. Я ликую. А вообще-то я рыбу не ем, но очень люблю рыбацкие разговоры.

— Я когда последний раз-то рыбу тебе привозил? Давно! Я плохой крестный. О! Забыл! Кроме Мосевича, тебе еще Ирэна Адамовна привет передавала. Ты помнишь Ирэну Адамовну?.. Да, цветоведение у вас вела. А ты видела туфли Ирэны Адамовны?! Это же песня!..

Это и правда песня. Туфли похожи на сказочные башмачки. Я уже и не помню точно, как они выглядят, но помню, что они волшебные.

Потому что Ирэна Адамовна — это волшебство. Цвет и свет.

Она может всю пару рассказывать о сложных отношениях красного и зеленого. Цвет и фактура, цвет и форма, цвет и жизнь, цвет и смерть. Есть только цвет, а все остальное лишь приложение к цвету.

А Мосевич — это мастер по живописи. Станислав Петрович. Он называет своих студентов чертями. Черти его обожают.

У студентов есть слабость: все норовят в живописи перейти сразу к частному, например, сразу нарисовать лицо. Не фигуру, не тело, не фон, а именно что посадить глаз на место и губы нарисовать.

— Что ж вы это делаете, черти полосатые! — Станислав Петрович подходит к мольберту, окунает указательный палец в фиолетовую краску и проводит по нарисованному лицу. — Вот! Проще! Проще! — Дальше достает из кармана пиджака черный уголь, делает один росчерк — и на лице появляются и нос, и глаз, и губы.

Правда в простоте. Все остальное — от лукавого.

Всего у нашего курса было три мастера по живописи: Мосевич, Гуцин-старший и Гуцин-младший.

Гуцин-старший и Гуцин-младший всегда хвалили нас за свободу. Одобряли, когда краска текла, растекалась, когда бесился мастихин. Они относились к картине как к дыханию. Вдох, выдох. Чистое чувство. Краска растекалась и замирала там, где ей угодно, не надо больше вмешиваться.

Нет, конечно, нас никто не хвалил за каляки-маляки. Законы и правила живописи — это было святое. Знать, как Отче Наш.

А свобода разворачивалась уже внутри этих правил и законов.

Любимым натюрмортом была рыба в объятиях красной тряпки.

— В рыбе что главное? Цвет! Вот и берите его! А не чешуйки пересчитывайте. И смотрите внимательно: какой рефлекс на рыбе от красной драпировки — чудо! Ты что, не видишь? На золотом брюхе красный закат! А на хвост солнце упало! Пишите скорее! Завтра такого состояния не будет. Солнце в Питере появляется так же часто, как вы на парах.

Живопись почему-то всегда стояла у нас первой парой. Черти всегда опаздывали, мастера приходили вовремя.

Но однажды Гуцин-старший не пришел на пару. И на следующую не пришел. И никогда не пришел.

Цвет и смерть. Кирилл Александрович ушел в октябре.

По вечернему небу шли разводы: охра светлая, умбра жженная, голубая ФЦ, изумрудка, кадмий красный темный...

То есть Гуцин-старший взял с собой краски.

Над нашим питерским небом работает много мастеров.

Вернее, Там они теперь все подмастерья.

— Але! Але!?! Ты куда улетела, крестная?! Я тебя спрашиваю: ты Ирэну Адамовну с Мосевичем помнишь?! Привет тебе! Чуть не забыл передать. Ну, я на рыбалку еду. Не знаю, может, на месяц, может, на два. Не от меня зависит, как рыба хвостом поведет. Все! Приеду — рыбы привезу тебе. Договорились? Ну все! Звони! Пока-пока! Созвонимся! Так держать! Пока!

Судя по количеству прощаний, он собирается уехать на год.

Но это неважно.

Я ведь не люблю есть рыбу.  
Я люблю рыбацкие рассказы.

Может, на самом деле он за этим и ездит на  
рыбалку?  
За цветоведением?

...А рыбу от крестного, кстати, я опять увижу лишь  
на картинах из цикла «Серебро».

## РЫБАКИ ВСЕХ ВРЕМЕН

**О**ни стоят на набережной, словно ждут, когда  
по Неве проплывут трупы их врагов.

Камуфляж, сто карманов, банка с чер-  
вями, чемоданчик с насадками, ведро для боль-  
шой рыбы, ведро для маленькой, сеть рыбацкая  
через плечо и, конечно, удочка. И не одна — шесть.  
Рыбак их все закинул и в ряд поставил, ждет, когда  
хоть одна клюнет.

Самую дорогую удочку он держит в руках.

И тут самое главное — это лицо: счастливое  
лицо. Счастливое лицо сосредоточенного мужчи-  
ны. В этом счастье нет сиюминутности. Оно дол-  
гое. Оно серьезное. Напряженное.

И завтра он тоже придет. За счастьем.

И ведь знает, что ловить нечего, ничего не  
поймает. Ну, может, рыбешку одну, беспутную,  
одинокую, мимо плывущую. Но кого этим накормишь?  
Разве что кота. Но и тот останется недо-  
волен.

А еще я сразу начинаю думать про женщину.  
Женщину рыбака. Есть она вообще? Думаю, что

есть. Рада, наверное, что он из дома ушел. Про-  
сторно в квартире без рыбака. А потом придет.  
Рыбой провоняет. Рыбы нет, а он провоняет.

И женщина ему с порога свой взгляд бросает:  
«Опять ничего?»

И ловит в ответ это детское в глазах: «Эх, ну  
что ты понимаешь вообще!..»

— А есть что будем? — спрашивает она.

Холодильник полон снеди, но женщины всех  
времен должны смирять рыбаков всех времен.  
Должны унижать их, докапываться, искать правду.

Женщины ищут женскую правду и находят ее:  
она лежит в пустых ведрах для маленьких и боль-  
ших рыб. Рыб нет. А ведра есть.

И завтра он снова отправится на рыбалку. И ее  
глаза снова спросят: «Где рыба?»

А рыба — она в душе. Ту рыбу не зажаришь,  
не съешь. Она внутри рыбака плещется. Он и рад  
ей. И этого достаточно.

Достаточно, что его понимает одна рыба и тер-  
пит одна женщина.

## РЫБА

**-А** ты знаешь, что у них, оказывается, удоч-  
ки тыщу долларов стоят! Представляешь?!  
Сколько рыбы можно было бы просто ку-  
пить и не заморачиваться!

— «Купить»! Но ведь кто-то же должен ее сна-  
чала поймать. А что там за история, кстати, была у  
Грини с рыбаком?

— О, это дивная история. Ну ты же знаешь, что  
Гриня всегда рыбачит в самых диких местах, при-  
чем ловит не какую-нибудь там рыбу, а благород-  
ную, семгу! А она знаешь какая бывает — до двух  
метров! И вот сидит он, значит, на берегу и вдруг  
слышит крики отчаянные. Поднимает голову и ви-  
дит такую картину: огромная рыба — гигантская! —  
тащит за собой рыбака! Тот оре-ет! А удочку отпу-  
стить не может — тыща долларов! Кто ж отпустит?!

Бог с ней, с рыбой, — удочку отдай! И я спраши-  
ваю Гриню: а дальше что? А он говорит, мол, не  
знаю, ну протащила мимо нас рыбака, чем дело  
кончилось, неизвестно. То есть они, рыбаки, сидят  
и тоже удочки отпустить не могут — тыща долла-  
ров! Не знаю, вот я до сих про того рыбака думаю.  
Просто вижу эту картину (хотя никто не просит  
меня ее видеть): сидят рыбаки, а мимо них несет-  
ся чудо-рыба, рыба поймала рыбака. Тащит его по  
реке. Рыбак орет смертным криком!.. А осталь-  
ные рыбаки сочувствуют, но не могут бросить  
свою «тыщу долларов»!

Я смотрю на тебя и тоже вижу эту картину в  
духе Брейгеля: огромная рыба уносит рыбака,  
а все смотрят. Никто не спасает. А потом они еще  
рассказывают об этом и все смеются.



И только одна ты спрашиваешь: а что с рыбаком?

И портишь своим вопросом их веселую историю.

«Рыба» — удивительное слово.

Например, так ты называешь свой незаконченный сценарий.

Еще «рыба» почему-то возникает в домино. И проплывает в мифах.

Ее ловят апостолы.

И на древнегреческом это слово содержит в себе имя Христа.

«...Мы рождаемся в воде и можем спастись не иначе, как пребывая в воде».

— Так, может, рыба унесла мужика по делу?

## ПЕРСОНАЖ

**О**дин мой друг... Нет, знакомый. Нет, тоже не то... В общем, он появляется иногда в моей жизни. То есть это человек, время от времени создающий эффект своего присутствия.

Он ветерок. В том плане, что его явление всегда сопровождает ветерок из автомобильного окна, они неотделимы.

Он персонаж. Роль его в моей жизни неглавная, но со словами. И слов много.

Он рыбак. И сразу начинаются истории, ему важно внимание, слова собеседника не так важны, на авансцене только он.

Потому что на самом деле он актер, служит в театре. И роль зядлого рыбака — моя любимая.

— Я только с озера приехал. Налимов ловили с корешем. Отомстили им. В прошлый раз ни одного не поймали. Налимы вели себя бездуховно.

— Как?!

— Без-ду-хов-но.

Небо за окном в белом войлоке, лишь нежная розовая полоска обвела лес по контуру.

— Красиво, да?

Мы наматываем круги по КАД.

— А была такая рыба, которую ты поймал, но отпустил? Из благодарства.

— Была. Красноперочка. Я ее поймал, а потом мне что-то жалко ее стало. И я ей дал последний раз подышать водой. На прощание. Я жалостливый. А она воспользовалась и уплыла!.. Бездуховная.

— А домашние рыбки у тебя были?

— Конечно. У меня один раз меченосец сдох. Я плакал за креслом, мелкий еще был. Он выпрыгнул из аквариума. Я прихожу с дзюдо и вижу: меченосец лежит на полу, уже высохший под батареей. Выпрыгнул из аквариума, хотел, выйти, так сказать, за грани возможного...

— Какие грани?

— У него были внутренние проблемы, он предпочел радикальный путь, который выбирали многие в 90-е. Суицид. Он выпрыгнул ввечеру, да, это случилось осенью или весной, ну или когда там бывает обострение. А еще я сомика похоронил, где сейчас салон «Мицубиси» (на кладбище, можно сказать, стоит). А раньше там пустырь был. Ну вот, завернул я сомика в бумагу от новогоднего пакета, где поздравления были, и пошел на пустырь...

— Ты хотел рассказать про налимов.

— Записывай: невский таксист Каючина поехал на 44-й шуршать налима.

Он решил сразу надиктовать мне художественное произведение. Пытаюсь его остановить.

— Жвачку выплюнь сначала.

— Э, давай без этого, без питерского снобизма. Дальше, пиши: простуженный нос невысокого рыболова, пиши-пиши.

— Отстань.

— ...чутко втягивал сырую прохладу, пиши-пиши.

— Сам пиши.

— Пиши, говорю, пока вдохновение прет... чутко втягивал сырую прохладу близкой, запятая, суровой, запятая, бушующей Ладоги.

— Давай уже про налимов.

— Подбóдь. Так че там, на чем остановились?

— Бушующей Ладоги.

— Вот именно... бушующей Ладоги. И лишь тонкая полоска прибрежного припая, лишь тонкая полоска прибрежного припая-ая, протянувшаяся вдоль порыжелой тресты... Ты пишешь?

— Я таких слов не знаю.

— Давай пиши... протянувшаяся вдоль порыжелой тресты, давала надежду нашуршать целое корыто и отомстить налимам. За бездуховное поведение в начале декабря.

А за окном автомобиля май, Нева, рыбаки в резиновых сапогах по колено стоят в серебре, забрасывают сети: корюшка пошла.

Но мой рассказчик вошел в образ, и его оттуда не вытащить.

— А рядом, значит, с Каючиной был Шурик по кличке Слепень. Запятая. Пацан лет пятидесяти с небольшим. В лихие 90-е бравший окуня по пятьдесят кил на рыло. Тебе было ноль, когда Шурик окуня ловил...

Дорога идет вдоль берега. И все рассказы про рыб идут как бы вдоль жизни. Они даже не закрепляются в каком-то определенном времени. Как вода.

На прощание он дарит мне налима и мокрый воющий серебряно-серый пакет. И говорит: «Ну покедова!»

Пока, рыбак.

Автомобиль уехал.

А на меня из пакета смотрело примерно пятьдесят пар прозрачных глаз.

Весь романтический вечер ушел на то, что я чистила, мыла, солила и жарила корюшку.

— Ну что? Чувствуешь себя женой рыбака? — Улыбка соглядатая.

Мне не понравилось быть женой рыбака.

Но я люблю истории про рыбаков.

А сами рыбаки прекрасны, когда их уносят рыбы.

Они прекрасны в режиме первобытного подвига. Наедине со стихией.